

Петр Немировский

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОЛДУНА

Глава 1

– Вы хотите эту сумку сдать в багаж или возьмете ее с собой в самолет как ручную кладь? – спросила Ивана регистраторша, наклеивая на заднюю обложку его американского паспорта специальный белый ярлычок.

– Сумку? Гм... – Иван наморщил лоб. Будто бы не знал, что решить. – Сумку возьму с собой как ручную кладь.

И подумал с досадой: «Все-таки зря лечу в такую неизвестность».

– Вот ваш билет, пожалуйста. Посадка через полтора часа. Счастливого полета, – девушка протянула ему паспорт, из которого торчал корешок билета.

Иван Селезень летел в Рим. Он жил в Нью-Йорке и работал психиатром в одной из городских больниц. Родом он был из Васильковска – есть такой городок на границе России с Украиной. Его мать была хозяйкой большой оранжереи цветов, отец работал мастером на заводе. Семья была дружной, жили хорошо. Десять лет назад Иван эмигрировал в Штаты.

...Просторный аэропорт «Кеннеди» гудел, как улей. Таможенники и полиция, чемоданы и сумки, объявления о вылетах и задержках рейсов. Кто-то потерялся, кого-то просят срочно подойти к регистрационному окошку. Уже третий раз предупреждают, что если некий господин Аль Саид не явится и не сядет в самолет, то его багаж из лайнера будет извлечен.

А Иван Селезень пьет пиво в баре аэропорта, недовольно кривит губы. Настроение у него препаршивое. Почему-то тревожно на душе. Какой-то Аль Саид, вот, багаж сдал, а сам исчез. И самолет – тоже ведь может сломаться в воздухе. Техника – значит, ломается. Как говаривал отец: «Любая техника нуждается в мастере». А с мастерами нынче дефицит... Не любит Иван летать самолетами, не его этот вид транспорта. Но, коль скоро живет в США и хочет бывать в Европе, то выхода нет – приходится летать.

В Рим он отправился не по делу, а просто так. Коллега в больнице – медсестра Сандра, белая американка, недавно провела отпуск в Италии. Привезла оттуда кучу фотоснимков, взхлеб рассказывала о Венеции,

Флоренции и Риме. О том, какая там вкусная пицца – тоненькая, хорошо раскатанная и безумно вкусная. Не то что в Нью-Йорке.

Доктор Селезень в отпуске не был с мая прошлого года, а нынче уж апрель. В Италии, как любой культурный человек, он мечтал побывать давно. Взвесив все за и против, решился. На десять дней поездки составил список дел. Посмотреть достопримечательности: конечно, собор Святого Петра, Пантеон, Колизей; на два дня, если удастся, поехать в Венецию. Попробовать разных сортов спагетти, лазанью, пиццу.

Больше всего его тревожила погода – Иван не переносил холод; загодя по различным источникам не один раз проверил прогнозы погоды в Италии. Обещали солнечные дни. Но разве можно полностью доверять синоптикам?

* * *

Когда-то Иван Селезень – в далеком-далеком прошлом, начинал как писатель. Дарование его было видно сразу. Многогранный талант – и лирик, и сатирик, и драматург. Трудно было себе представить, что этот лирик-сатирик станет работать психиатром в больнице Нью-Йорка, а если точнее, – в дурдоме.

Ах, до чего же удивительные метаморфозы порой происходят с людьми! Вместо того чтобы сидеть по ночам за письменным столом и при свете колышущегося огонька свечи выводить бессмертные слова, обливаясь слезами над своим же вымыслом, Иван Селезень выписывает рецепты психически нездоровым людям.

Конечно, можно сказать: и литература, и рецепты, в принципе, – одно и то же, имеют общую цель – лечить душу.

Но так рассуждать может только человек примитивный, далекий от понятий Красоты. «Тильки повный дурэнь», – сказала бы мама.

Короче, так сложилась его судьба. Да и кто знает, взошла бы его звезда на небосклоне российской литературы? Насколько силен был его талант, на сколько бы его хватило? Ну, подавал Иван какие-то надежды. Ну, издал две книжки – сборники повестей и драм. По одной из его драм молодежный театр в Москве даже поставил пьесу.

Только этого еще недостаточно, чтобы сказать, что Иван Селезень – одаренный литератор. Совершенно недостаточно. А ошибок, огрехов в его творениях было – у-у, сколько! «Як гороха на поли». Он даже в русском был слабоват, его русский язык был нашпигован украинизмами. А разве может настоящий писатель плохо владеть родной речью? Ни, нэ може.

Так бы и марал себе бумагу Иван, издавал бы книжечки, ездил бы из Москвы в Васильковск, к родителям, и обратно, в столицу, и был бы средненьким, а то и плохоньким писателем. Если бы однажды не решил оставить это занятие и уехать в Америку, где стал психиатром. Совершенно новая для Ивана область открыла перед ним свои бескрайние просторы. Семь лет учебы и интернатур. С раннего утра и до позднего вечера: диагностика, фармакология. Хроническая шизофрения, тип параноидальный, с галлюцинациями. Лекарства: антипсихотики, антидепрессанты. И так – из года в год. Какая уж тут изящная словесность?!

Но порой, просиживая в нью-йоркских библиотеках над томами по лечению различных психических болезней, нет-нет, а пускал Иван Селезень горькую слезу о загубленной писательской карьере. Корил себя за здравомыслие, а иными словами, – за малодушие.

В кого он все-таки пошел, чью природу унаследовал? Мать любила литературу и историю, и театр, но при этом была прагматического склада. А вот отец – хоть и технарь, полжизни проработавший на заводе, все-таки по натуре был мечтателем. Узнав, что Иван в Нью-Йорке учится на психиатра, отец расстроился. Рассчитывал, что сын все-таки пробьется в литературе. Впрочем, сказал, что главное – быть мастером своего дела. Зато мать выбору Ивана обрадовалась: «То добра работа. Стабильна. Грошова. Не переживай, сынку, что ты не став вторым Гоголем. Бис з ним. Зато станешь вторым Фрейдом».

Помогать людям – что может быть лучше этого? Еще и получать за это сто тысяч долларов в год. Иметь свой дом в благоустроенном районе города. И дачу в горах. И новый «Лексус» со всякими наворотами.

Правда, вторым Фрейдом Иван тоже не стал. Ну и бис з ним!

Глава 2

О, Рим! Рим! Боже, за что Ты так любишь нас?! За что открываешь нам Небеса Свои, когда мы еще здесь, на грешной земле? Что же тогда там, в Твоих светлых чертогах?

Какие краски Ты разлил по этим широким улицам, мощеным темно-лиловым булыжником! А сосны – римские пинии, воспетые художниками, поэтами, композиторами! С высокими ровными стволами и ярко-зелеными могучими куполами хвои, возносящимися от земли в блистающее небо Рима! О, римская пиния! Один только взгляд, скользнувший по твоей куполовидной кроне, заставляет сердце трепетать от предчувствия неведомой тайны, от какого-то великого обетования новой жизни!..

Тибр – древний, как история цивилизованного человечества, несет свои спокойные воды мимо дворцов и базилик, под мостами, под шелест кипарисов и платанов. Свет многочисленных фонарей струится сквозь надвигающиеся сумерки, изливаясь на мелкие волны, словно пронизывая их до самого дна. Чуден Тибр при тихой погоде! Бредешь по мостовой, глядишь на фонари, прикованные к высоким каменным стенам набережной, и на случайную белую лодку. И думы – о прошлом, о будущем, о вере, о людях – так же спокойно, неспешно овладевают тобой и влекут вглубь времен...

А впереди, в почти опустевшем ночном городе, над крышами домов и уцелевшими мраморными колоннами, виднеется огромный золотой купол собора Святого Петра. Кажется, он совсем близко, осталось сделать лишь несколько десятков шагов, и ты – рядом. Но шумят над твоей головой старые кипарисы, и шумит древняя река, и где-то вдали пронзительно звенит гитара. И сгущаются сумерки. А купол великого собора горит по-прежнему ярко во тьме, и по-прежнему – далек!..

* * *

Медсестра Сандра не обманула: пицца в Риме действительно куда лучше нью-йоркской, и сравнивать нечего. Тоненькая, хорошо запеченная, но без черных пригорелостей снизу. Похрустывает на зубах. Хороши также итальянские свиные сосиски. И, конечно, спагетти! Важно только не переусердствовать с соусом. И хорошо бы их присыпать сверху мелко натертым пармезаном.

Римские публичные дома не представляют собой ничего особенного. К тому же там почти нет итальянок – большинство славянок из Чехии, России, Украины и Сербии. Все – очень жадные и хитрые, просят больших денег, но с таким видом, будто согласны почти бесплатно.

Кофе – изумительный, тоже не сравнить с нью-йоркским. Водка итальянская – обычная, «Grey Goose» мне нравится больше. Погода все дни стоит великолепная. В общем, дорогой друг, кусай локти, что не поехал со мной. Сегодня вечером вышлю тебе по электронке фотоснимки, где я возле Святого Петра, у Колизея и на кровати в обнимку с красоткой – ничего не подумай, это горничная в гостинице, где я остановился, убирает по утрам мой номер...

Такую речь, а еще точнее – аудио-письмо – несуществующему другу мысленно составлял Иван, прогуливаясь по улицам Рима. За десять дней он успел все, что планировал: взял несколько прогулочных обзорных туров по Риму, на два дня съездил с группой в Венецию. Завтра его ждал отъезд обратно, в Нью-Йорк, и он решил в последний

день погулять по Риму, уже безо всякого определенного маршрута. В преддверии скорого расставания печаль закрадывалась в его сердце. Кто был в Италии, тот скажи «прости» другим пределам. Кто был на небе, тот не захочет на землю...

Он вошел в бар. Примостившись у окошка, заказал капуччино. Вдруг в окне... нет, не прелестная девушка и даже не сицилийский бандит с пистолетом, – нет!

Большая мемориальная доска висела на стене шестиэтажного дома напротив, между вторым и первым этажами. Барельефный профиль мужчины на этой доске показался Ивану знакомым: длинноватый нос, прямые волосы, покрывающие уши. Некая сутуловатость, худошавость опущенных плеч. Неужели?..

Расплатившись, Иван быстро покинул кафе, оставив недопитым капуччино. «Справа – бар «Sistina», дорога направо ведет к станции метро «Barberini». Так-так». Иван стоял, оглядываясь по сторонам, желая запомнить это место. Неожиданно чья-то тень выскользнула из приоткрытой наружной двери дома. Нет, почудилось.

«Так, еще раз. От станции метро «Barberini» я шел по какой-то узкой улице. Затем повернул налево. Да чья же это тень бегаёт вокруг? Кто это в черном плаще носится передо мной? Чьи это пряди взметнулись?!» Иван зажмурился и открывал их снова.

– Николай Гоголь. Жил в этом доме в тысяча восемьсот тридцать восьмом тире сорок втором году, – затараторил кто-то по-русски, читая надпись на мраморной доске.

Эта была русская женщина, по всей видимости, экскурсовод, привела сюда небольшую группу русских туристов.

– Всем известна любовь нашего писателя к Риму, – продолжала экскурсовод. – Здесь он писал первую часть «Мертвых душ». Здесь, в прекрасном далеке, он творил будущую славу русской литературы... А теперь, господа, давайте свернем с этой улицы и направимся к баням одного из римских императоров... – и группа ушла.

А Иван все стоял, пребывая в странном, едва ли не полуобморочном состоянии. Наконец, очнувшись, он осторожно пощупал свой нос – длинноватый, с небольшой горбинкой. Так же, осторожно, провел ладонью по своим еще не потерявшим густоты русым волосам. Передернул худыми плечами.

«Да, он! Я ведь знал, знал, что встречу его в Риме. Это судьба!» Его голова снова закружилась. Он сел на корточки и, чтобы не упасть, упер руку в булыжник:

– Страшная месь. Колдун. Ведьма... Дайте мне лестницу!.. Дайте мне тройку быстрых, как вихорь, коней!..

Глава 3

– Что, мистер Селезень, полетали над Вечным городом? С возвращением, – поприветствовала его доктор Фролова, работавшая с Иваном в одном отделении больницы.

Доктор Фролова – из потомков русских эмигрантов, в третьем поколении. Ее предки бежали из России в Штаты после революции, во времена красного террора. Она никогда не говорила коллегам, какого роду-племени, из какого сословия ее предки. Быть может, и не из дворян – от большевиков бежали ведь не одни только графы да бароны, но и челядь с ними, и мещане, и даже крестьяне. Но для себя Иван твердо решил, что Виктория Львовна – из потомственных дворян. Это косвенно подтверждали и ее аристократичная манера держаться, и кристально чистый, можно сказать, дистиллированный русский язык, какой ныне можно встретить только в русской классике.

Ей шестьдесят семь, но старушка, вернее, дамочка, – еще боевая. Она невысокого роста, в фигуре уловимы следы бывшего изящества. Ровные волосы окрашены в желтоватый цвет. Правильные черты лица с намеком на утонченность: ровный носик, узкий, даже чуточку заостренный подбородок, умный взгляд голубых глаз. Но при всей своей почти изысканной красоте, в лице доктора Фроловой сквозила и некая хитрость, хитрость хорька, и когда Ивану приходило на ум это сравнение, он всегда испытывал смущение оттого, что так нехорошо думает о коллеге, сравнивая ее с хорьком.

А ведь она – ведущий психиатр в отделении. Очень образованная, интеллигентная женщина. Читающая! На рабочем столе Виктории Львовны часто лежат специальные медицинские журналы. Но читает она и художественную литературу. Последнюю, конечно, не на работе, а дома.

Впрочем, свободного времени у доктора Фроловой предостаточно: семьи у нее нет – ни мужа, ни детей. Чем жить? Кому посвящать свое время? Только вымышленным героям романов и пациентам психбольницы. И те, и другие ее интересуют весьма и весьма. А вот личная жизнь, увы, не сложилась...

Всякий раз, когда Иван оказывался в кабинете доктора Фроловой, где неизменно выслушивал ее оригинальные суждения о прочитанных книгах, у него возникало ощущение, что он находится не в нью-йоркском сумасшедшем доме, а в литературном салоне какой-то княгини в дореволюционном Санкт-Петербурге...

...– Все русские писатели имеют склонность к полетам, русский Парнас полон птиц, – заметила доктор Фролова во время ланча. Они сидели в ее кабинете. Виктория Львовна развернула сэндвич в фольге, в бутылочку апельсинового сока воткнула трубочку. – Вы только посмотрите: Гоголь, Клюев, Соловьев, Крылов. И вы, Иван Борисович, из этой же стаи пернатых, – пошутила она. (Виктория Львовна знала о юношеском увлечении Ивана литературой.)

Она надкусила сэндвич и бросила взгляд на часы на стене – время ланча обычно пролетает молниеносно.

– А вы как будто помолодели, Иван Борисович. Таким орлом, признаюсь, вижу вас впервые. Что же, коллега, вас так омолодило в Риме?

– О-о, доктор, вы себе не представляете, что такое Рим... – Иван заложил руки за голову и, откинувшись в кресле, свободно вытянул ноги. Прикрыл глаза и начал декламировать: – «Влюбляешься в Рим очень медленно, понемногу – и уж на всю жизнь. Мутно и туманно все кажется после Италии...» Знаете, чьи это слова? Да, конечно, – бессмертного Гоголя...

После недолгой паузы он снова закрыл глаза и продолжил:

– В Риме, доктор, веришь в Бога, в Его существование. И в себя тоже начинаешь верить, в свой талант... – он неожиданно вздрогнул и умолк, будто сболтнул что-то лишнее.

– Вас послушаешь, так и самой захочется туда немедленно отправиться. К своему стыду, ни разу в Италии не была. Очень люблю Германию. Сколько раз задумывала поехать в отпуск и во Францию, и в Италию, но почему-то всегда заканчивалось тем, что ехала в Германию. Мне кажется, что я должна была там родиться. Но судьба, видите, распорядилась иначе... А как вам понравилась итальянская кухня?

– Пицца, если честно, самая обыкновенная – мука да сыр с томатным соусом. И лазанья тоже – ничего особенного. Моя мама печет пироги с сыром и грибами намного вкуснее, чем все пресловутые римские кулинары. А какого поросенка мама готовит, и потом его с хреном!.. – Иван сильно потянул носом, будто уловил в кабинете запах этого запеченного поросенка.

А доктор Фролова, допив сок, кивнула на медицинский журнал, лежащий на ее рабочем столе:

– Этот журнал – специально для вас, там есть интересная статья, я отметила ее звездочкой. Мистер Селезень! Вы меня слышите? Вы здесь или опять куда-то улетели?

* * *

После ланча Иван шел по широким коридорам психбольницы. С грохотом раздвигалась железная решетка, ограждающая дверь лифта и каждый раз запирающаяся на замок. Возле некоторых палат сидели санитары, присматривающие за буйными.

В зале отдыха несколько пациентов смотрели по телевизору какое-то шоу; смехом взрывался зал – на экране, но зрители по эту сторону экрана – в пижамах – хранили молчание.

Одна из медсестер – Сандра (та самая, которая побывала в Италии и столь восторженно отзывалась об этой своей поездке) за что-то отчитывала пациента, помахивая перед его носом указательным пальцем. Сандра была совершенно безразлична к больным, они ей ужасно надоели за годы, что она проработала в психбольнице.

Селезень вошел в одну из палат, где накануне его отпуска появился новый пациент – чернокожий гигант неопределенного возраста, по имени Джим. Пациент – загадка. Его привезли в наручниках – устроил настоящий дебош в Манхэттене, разгромив там несколько бутиков и ресторанов. Его умирлял целый взвод полиции, говорят, пришлось даже вызвать вертолет.

В больнице Джиму сделали укол, и он тут же успокоился: тихонько лег на кровать, подложил под щеку сложенные лодочкой ладони и заснул. Прошел день, другой, а Джим почему-то не просыпался. Лежал себе на кровати, то храпел, причем до того громко, что дрожали стекла в оконных рамах, то тихо посапывал. Пытались его разбудить – безуспешно. Решили, что Джим просто устал после долгого бродяжничества, скитаний и дебошей. Пусть отдыхает, восстанавливается. Однако и через неделю Джим не проснулся. Спал, как убитый, только позы изредка менял.

Обсуждали его дело на врачебном совещании. Что за мистика? Пришли к выводу, что Джим впал в летаргический сон. Явление достаточно редкое в наше время, когда все сон теряют. Решили ждать, когда Джим проснется.

В этой палате стояли две кровати. На одной лежал Джим. По-прежнему спал, широко раскрыв рот. Воротник пижамной курточки топорщился и касался его небритой щеки.

Доктор Селезень на миг остановил на Джиме взгляд. Надо же – до чего странные у него веки: толстые, морщинистые, будто из слоновой кожи. Такие веки поднять наверняка непросто. «Ему тяжело держать глаза открытыми!» Эта неожиданная догадка совершенно непсихиатрического характера смутила Ивана. «Что-то я стал слишком

много фантазировать. Но, может быть, он все-таки не спит?» Для верности доктор Селезень легонько потряс Джима за плечо. Тот пробормотал что-то невнятное, затем сильно втянул воздух через широко раздутые ноздри и... снова захрапел.

Вторая кровать в палате была свободна, без постели. Странное дело: в больницу непрерывным потоком поступают больные, но кровать не используется и свободное койко-место пропадает.

Эту кровать месяц назад сюда принесли из кардиологического отделения, где она почему-то оказалась не нужна. Технически оснащенная и начиненная электроникой, кровать выделялась среди других современным дизайном и количеством кнопок. Обрадовались было такому приобретению, но вскоре в ней обнаружилась какая-то поломка. Вызвали мастеров, те провозились полдня, но так и не починили.

«На следующем заседании персонала нужно спросить у директора, в чем дело, что за бесхозяйственность?! Пусть поставит вопрос ребром перед своим заместителем по административной части».

Припомнив замдиректора по административной части – мистера Вильяма, – Иван словно увидел перед собой важного, полного мужчину, который имел обыкновение то и дело вытирать взопревшую шею ароматизированной салфеткой и при этом сильно кривить лицо, будто пользовался не мягкой салфеткой, а наждачной бумагой. Иван представил себе его... в виде борова, летающего по коридорам психбольницы. А сверху на него можно посадить... голую наездницу. Кого бы? Медсестру Сандру? Нет – доктора Фролову!

Ай-яй-яй, очень неудачная фантазия, Иван Борисович. Нельзя так – о коллегах. Но мистер Вильям в образе борова все-таки хорош!

Хмыкнув, Иван подошел к свободной кровати. Зачем-то положив на нее руки, надавил несколько раз. Кровать – с электронным приводом, с внутренним подогревом матраса, – отозвалась веселым скрипом, от которого Ивану стало очень гадко на душе.

Он неожиданно вздрогнул и в ужасе оглянулся...

Кто это? Тень большой птицы выпорхнула откуда-то и пролетела под потолком. Птицы? Птицы?!

Тень устремилась в угол палаты, и Иван заметил ее черное крыло. Или же это был край черного плаща? Иван сжал кулаки, приготовившись к тому, что этот некто сейчас на него набросится.

...Бар «Sistina», дорога от станции «Barberini»... Иван крепко упирался руками в кровать, словно пытался удержать ускользающее от него чувство реальности. Но его как будто уволакивало куда-то, уносило, переворачивало и переключивало в воздухе. От сильного

головокружения, теряя равновесие, он присел на корточки, коснувшись ладонью пола.

– Доктор Селезень, что с вами? Вы в порядке? – услышал он женский голос над собой.

– Да. Случайно уронил квотер, – Иван поднялся, засунул в карман якобы найденную монету.

Перед ним стояла медсестра Сандра, в белом халате:

– Как вы съездили в Италию, доктор? Понравилось?

* * *

Возвращался после работы домой, в своем «Лексусе», салон которого еще приятно пах новой кожей. Был час пик, поэтому приходилось долго стоять в пробках.

Иван ерзал на мягком сиденье, зачем-то снимал и снова набрасывал ремень – ему казалось, что тот слишком давит ему грудь. Он часто менял каналы в радиоприемнике, сердито постанывая. «Откуда у меня появилось это нездоровое возбуждение и раздраженность? Чем я постоянно недоволен?» После отпуска все не так – и в больнице, и в жизни. Еще недавно казалось, что жизнь окончательно и бесповоротно налажена и катится по накатанной: работа, пациенты, дом, на уикенды – дача.

Порой появлялись и женщины. Разные попадались: умные и не очень, хитрые и наивные, красивые и так себе. Но, невзирая на различия, все они были слишком земными и смертельно скучными, – такими же, как и его бывшая жена.

Иван женился в Москве, приехал с ней в Нью-Йорк, вместе прожили они ровно год. Он вдруг припомнил свой побег, в ту далекую пасмурную ночь, оставив жену спящей, вылез в одних трусах из квартиры в окно и спустился по наружной пожарной лестнице, имея при себе лишь двадцать долларов на такси...

– Ви-и! – взвизгнули тормоза. Ивана бросило бы грудью на руль, если бы не ремень. Перед ним – из какого-то дома вынырнул большой черный кот и стал медленно переходить дорогу.

Иван сильно давил на педаль тормоза и во все глаза пялился на столь невиданное явление: кот переходит дорогу так лениво, будто нехотя. Не бежит стрелой, пугливо оглядываясь, не прыгает, а идет себе вразвалочку. Нахал! Иван нажал на гудок – машина рывкнула, но черный котяра лишь повернул голову и, как показалось Ивану, презрительно посмотрел на него зеленовато-синим глазом. Затем

потянулся, оскалился и, проделав эту небольшую зарядку, неспешно продолжил путь.

«Может, он наелся от пуза так, что еле ноги волочит? Или пообщался с кошкой и обессилел? Или наакался где валерьянки? Кот – хулиган! Наелся, напился, наебался...»

Иван давил на педаль тормоза. Глядел вслед коту, пока тот, перейдя дорогу, ни скрылся.

Сзади за Иваном выстроилась вереница машин. Ревели и трубили клаксоны, торжественно и печально, будто всенародно поминали кого-то великого...

Глава 4

Уже темнело, когда Селезень закончив косить траву перед домом, у себя на даче, отложил электрокосилку. Постоял недолго, глядя на высокие сосны и дубы, окружающие со всех сторон его дом. Запах сырой земли, свежескошенной травы, хвои и листьев всегда напоминал ему лес на окраине Васильковска, в озерах и ручьях. Бегал туда в детстве с пацанами – ловить рыбу, стрелять из рогатки по воронам.

Ка-ар! – громко каркнула ворона, сорвавшись с ветки сосны, и улетела. – Ка-ар! Ка-ар!..

Приблизительно через полчаса Селезень вошел в одну из комнат своего дома, свалил на пол возле камина вязанку березовых чурок. Кочергой расчистил от золы дно камина. Потом засунул туда чурки, воткнул между ними клочья скомканной бумаги и плеснул из бутылки легковоспламеняющуюся жидкость. У-у-ух! – загудело в камине. Хорош-шо...

Этот камин соорудил отец Ивана, когда-то приехав в Нью-Йорк навестить сына. Отец знал, что Иван любит тепло и страдает от малейшего переохлаждения. Отец потом уехал обратно, в Васильковск. Но с тех пор, разговаривая с Иваном по телефону, всякий раз интересовался: как камин? Выдерживает ли температуру огнеупорный кирпич, нет ли где трещин? Согревает ли?..

Иван – в черной футболке и черных шортах, сидел в кресле-качалке. Изредка подавал корпус назад, отталкиваясь ногами от пола. У него часто мерзли пальцы ног, даже при относительно теплой погоде, поэтому на ногах и сейчас были тапочки.

А на коленях Ивана лежала раскрытая рукопись в кожаном переплете, страниц, пожалуй, на триста. Настоящий фолиант. Будто бы изготовленный в средневековой мастерской!

Это – роман, начатый Иваном в России. Книга, которая когда-то стала целью всей его жизни, которая должна была принести ему славу. Роман в форме исповеди, где автор пытается осмыслить и поведать миру о том, как на его жизнь повлиял Гоголь – самый непонятный и загадочный писатель России...

О-о, как страшен этот писатель. Мама, зачем ты читала мне вечерами его повести? Про колдунов, ведьм, про цветущий папоротник и зарезанных детей. Про убитых монахов в пещерах Киевской Лавры и ростовщиков, пришедших из ада на Невский проспект. Зачем ты возила меня в Сорочинцы, где родился этот колдун, и однажды завела в Спасо-Преображенскую церковь, где его крестили? Знала ли ты, мама, какое будущее этими чтениями и путешествиями уготовливаешь сыну?!

А твой жуткий рассказ о том, как перезахоранивали Николая Васильевича, когда его прах в 1931 году переносили из Даниловского монастыря на Новодевичье кладбище: «Открыли гроб, а там... Аж очам тэмно стало... У гробу череп – сверкает, как золотом, но повернутый набок. Будто бы хотив чоловік повернуться на другой бок, а не смог, – земля давила тяжко, да и камень сверху на его могиле стоял дуже тяжелый, пудов на двести! А вся одежда на нем була цела – и зеленый камзол, и башмаки, и даже черная бабочка на шее. И понесли его в гробу с одного кладбища на другое, через всю Москву. Но несли его недобрии люди – комсомольцы и поганые писатели, и по дороге потихоньку из того гроба все покрали – и камзол, и башмаки, и бабочку, и так – голого – его закопали на Новодевичьем. Хотели все покраденное потом продать на аукционе. Но не получилось у чертовых детей – стал наш Никола Васильович до них по ночам приходить. Душил их у кроватях и дико хохотал, требовал все ему вернуть. Испугались поганцы, пришли ночью на кладбище с теми покраденными вещами, чтобы вернуть их. Раскопали могилу, открыли гроб, а там... Аж в очах у них тэмно стало – нет там никого! Сбежал наш Никола! Пустой гроб! Только череп один остался!» – «А где же он сейчас, мама? Куда сбежал?» – «О, сынку, то есть страшная тайна! То знать пока не можна никому, пока не прийшов час. Вот как наступит время, когда затрубят ангелы в трубы, когда побегут кони и польется кровь на реки, тогда мы и узнаем, где он был, наш Гоголь, где летал, в каких лесах и полях...»

Мерно раскачивалось кресло. А Иван, подкручивая несуществующий ус, перечитывал страницы, когда-то исписанные его красивым, каллиграфическим почерком. Ровные, высокие буквы, с

незначительным наклоном вправо, в такой манере писались на латыни средневековые манускрипты.

Прочитав историю о перезахоронении Гоголя в изложении мамы, Иван усмехнулся. Надо же, какие веселые, забавные страницы писал он когда-то!

Перевернул еще несколько листов. Широкие поля сплошь были испещрены различными рисунками – русалок, бородатых монахов, птиц, ведьм.

Да, сколько высоких минут пронеслось, озарив тогда его жизнь неземным светом! Как трепетало сердце, когда он вместе с Николаем Васильевичем окончил Нежинскую гимназию и подался в Петербург, якобы искать полезную работу в государственной конторе, а на самом деле – заниматься творчеством.

Иван перелистывал страницы, но по мере приближения к концу веселых рисунков на полях становилось все меньше, почерк был уже не столь стройным, буквы шатались, шли вкривь и вкось. Жирные перечеркивания предложений, целых абзацев, целых страниц! Некоторые листы порваны кончиком ручки, смяты от чрезмерного нажима. А на последних страницах – практически одни только зачеркивания.

Тяжелая туча надвинулась на лицо Ивана, когда перед его взором предстали эти смятые, в перечеркиваниях, страницы. Зловещие блики, отбрасываемые от камина, забегали на его помрачневшем, в несколько минут осунувшемся лице.

Он живо припомнил невыносимые страдания, испытанные им в те далекие дни. Вспышки гнева и ярости, убийственную жалость к себе – все, что разрывало его сердце, когда в романе не удавался образ, не выстраивалась композиция, ускользала идея. Он тогда очень мало спал, почти ничего не ел. Когда приезжал из Москвы в Васильковск, на недельку, чтобы отдохнуть, мама, увидев его исхудавшее, изможденное, как у старика, лицо, хваталась за голову: «Ой, лышенько!», садилась в их «ВАЗ» и неслась на базар покупать молочного поросенка...

А критики? В то время уже вышли две его книжки – сборники повестей и драм. Сколько он выслушал насмешек, ядовитых комментариев. Началось с литредакторов в издательствах, которые перекраивали по своему безвкусию его самые вдохновенные строки! В «Литературном обозрении» писали: «Иван Селезень – яркий представитель этой, так называемой, новой волны: автор безграмотен, безвкусен, бездарен».

А как исковеркали его драму в молодежном театре! Когда Иван пришел на премьеру, то через десять минут, накрыв голову пиджаком, выскользнул из зала, чтобы никто его не узнал...

И – ни копейки денег за это, ни гроша! Издание книг – оплатил своими деньгами, постановка пьесы – тоже за свои. Постоянно звонил из Москвы в Васильковск родителям, писал по электронке, просил выслать еще тысячу долларов, еще тысячу рублей...

Не выдержал всего этого Иван. Выпустил перо из рук. Сдался. Женился на приличной еврейской девушке и уехал с ней в Штаты. Пусть другие марают бумагу и обгрызают перья! Щелкоперов в России хватает и без него. Пусть шлепают себе романы, как коровы лепешки... Кстати... возле коровьих лепешек часто растут белые грузди. Когда-то всей семьей ездили за грибами в лес. Ох, и груздей же там было! Набирали полный багажник «ВАЗа»! Мама их засаливала, а потом подавала к столу и под хреном, и в теплом яблочном соусе...

Иван захлопнул фолиант. Решительно поднялся и направился в кухню. Там стоял огромный трехкамерный холодильник, высотой едва ли не до потолка.

Раскрыв дверцу, устремил взгляд на полки, уставленные различными банками, чугунками, кастрюлями, соусами, сырами; из судка торчала голова копченого осетра.

Иван потянул носом, принюхался. Вдруг тонкая грусть отразилась на его лице.

– Полный холодильник еды, а есть все-таки нечего. Н-да...

Он снова сидел в кресле-качалке, перед камином. Смотрел, как прогорают, оседая, головешки.

Да, он тогда не закончил свой роман. И Гоголь покинул его. Убежал куда-то, улетел. В Италию, в Рим...

Что за фантастическая, страшная жизнь ожидала Гоголя после того, как он вернулся из Италии обратно в Россию! Что происходило в его душе? Почему он ото всех скрывался, сжигал свои «Мертвые души»? Вечно в нужде, с мучительной мечтой о великой поэме, зачем ходил по монастырям, постился, довел себя до полного душевного и физического истощения? Жуткая судьба!..

В последние дни его жизни недоумки-врачи пытались спасти Гоголя, заворачивали его в мокрые холодные простыни, облепливали лицо, шею и грудь пиявками, клали ему на голову лед, пускали ему кровь, делали клизмы. Гоголь умолял оставить его в покое...

Бам-ц! Что-то грянуло – это упала кочерга, прислоненная к стене.

Иван вздрогнул, съежился, словно от холода. Литература... Страдания... Муки неизвестно во имя чего... Вся его жизнь, которую он с таким трудом выстраивал много лет, овладев специальностью психиатра в Америке, покой и комфорт – все это полетит вверх тормашками. Себя-то Иван хорошо знает – не сможет делать кое-как. Если возьмет перо в руки, то...

У него – свой собственный дом в Нью-Йорке. Дача в горах. В гараже стоит новый «Лексус». В психбольнице, в принципе, все тихо, спокойно.

Его длинные костлявые пальцы сжали подлокотники кресла так крепко, что худые руки задрожали. «Нет! Не надо мне этого! Пусть все останется так, как есть!» Он бросил дикий взгляд на лежащий на столе манускрипт. «Сжечь его! Сжечь к черту! Зачем он мне? Зачем храню его уже десять лет? Чего жду, какого чуда? Зачем этот тлеющий уголек на дне души моей?»

Он поднялся. Потянулся к рукописи, как вдруг... Черная тень ворвалась через окно в комнату и вихрем пронеслась мимо Ивана, горячим ветром обдав его лицо. Край черного плаща взметнулся перед его глазами.

– Ага! Это ты?! – вскрикнул Иван и ринулся вдогонку за гостем.

Они оба выбежали во двор. Иван видел, как на ветру, подобно парусу на воздушных волнах, вздувается черный плащ. Колдун вдруг блеснул золотом! И от этого на мгновение ослеп Иван.

– Стой! – закричал Иван, потрясая в воздухе кулаками.

Он перебежал дорогу и проник в лес. Но еще несколько раз мелькнула между стволов таинственная накидка, еще раз-другой задрожали кусты волчьих ягод. Потом что-то вдали загрохотало и зашумело, кто-то застонал, будто рухнуло прогнившее дерево, придавив своим толстым стволом кого-то... И скрылся из глаз Ивана черный плащ.

Глава 5

– Да, Иван Борисович, скажите, в какой еще литературе, кроме русской, уделялось так много внимания психически больным и сумасшедшим домам? Я бы могла это понять, если бы Россия была передовой страной в области психиатрии, но ведь этого никогда не было, физиолога Павлова в расчет брать не будем. Вы только взгляните, что происходит: кто из русских писателей не воздавал должное нашему брату-психиатру и нашим пациентам? У Пушкина бедный Евгений в «Медном всаднике» – теряет рассудок. У Достоевского князь Мышкин – появляется в романе сразу после

лечения своего идиотизма, а в конце – опять попадает на лечение. У Чехова – знаменитая «Палата номер шесть». Кстати, в той нашей Шестой палате кровать так и не починили до сих пор, форменное безобразие... На чем я остановилась? Ах, да. Ваш любимый Гоголь сочиняет «Записки сумасшедшего». Булгаков своего Мастера тоже помещает в сумасшедший дом. И современные писатели – следом за старой гвардией: Венедикт Ерофеев пишет «Вальпургиеву ночь», где пациенты в психбольнице отравляются медицинским спиртом...

В дверь постучали, и доктор Фролова прервала свою речь.

– Войдите, – сказала она на английском.

Дверь приоткрылась, медсестра Сандра просунула голову в образовавшийся проем:

– У нашего замдиректора завтра день рождения. Мы хотим купить ему цветы и устроить по этому случаю небольшое party, – сказала она.

– Да, конечно, одну минутку, – Виктория Львовна достала из сумочки портмоне, вытащила из него десять долларов и протянула медсестре.

– Спасибо, доктор. Извините за беспокойство, – бросив взгляд на Ивана и, вероятно, припомнив, что у него деньги уже взяла, Сандра закрыла дверь.

– Вот так: стоит вам зайти ко мне на минутку, как мы сразу же начинаем литературные обзоры, – пошутила Виктория Львовна, улыбнувшись.

Улыбка, впрочем, у нее была сухой и холодной, что всегда удивляло Ивана – ласковые глаза у женщины и такая холодная, жесткая улыбка. Почему при всей своей красоте и уме, она никогда не была замужем? Не раз Иван пытался представить себе доктора Фролову в роли чьей-то жены, но воображение всегда отказывало ему в этом.

– Вы статью в журнале прочитали? Что скажете? – кивком головы Виктория Львовна указала на лежащий на столе медицинский журнал, возвращенный Иваном.

– Да, прочитал, – Иван стал раздумчиво поглаживать пальцами свой подбородок. – Все-таки странные это типы – шизоиды – очень странные: вроде бы не больные, но и не здоровые, как бы нормальные, но в то же время – нет. Как следует из этой статьи, шизоидность – это преддверие шизофрении, некий порог в болезнь, когда гениальность может перейти в безумие.

– Вот-вот, вы совершенно точно подметили: преддверие шизофрении. Между прочим, ваш любимый Гоголь был стопроцентным шизоидом: оттого-то и его паранойя, и бред, и бесконечные выверты, которые он столь талантливо заключал в свои писания. Изучайте психиатрию и найдете ответы на любые вопросы! По моему твердому убеждению, все

настоящие писатели в различной степени психически больны, – заключила Виктория Львовна и посмотрела на часы на стене. – Вот и ланч закончился. А мы даже не успели с вами обсудить пациентов. Как там Джим? По-прежнему спит? Ну-ну. А что насчет новопоступившей русской девушки?

– Пока не понятно. Очень запутанная душа. Панночка... – загадочно ответил Иван, вставая.

И доктор Фролова бросила на него тревожный, но холодный взгляд – взгляд профессионального психиатра.

* * *

Идет доктор Селезень по коридорам психбольницы. Приветливо кивает пациентам, вежливо улыбается врачам и медсестрам.

Почему-то тревожно на душе Ивана. Литературные беседы в «салоне мадам Фроловой» в последнее время стали его раздражать. Ее слова о писателях и психических болезнях тягостно отзываются в его сердце. Все-таки хорошо, что он отказался от творчества. Зачем подвергать себя риску?

А вдруг... – он сам шизоид, а?! Настоящий шизоид, с перспективой стать шизофреником? От мысли, что он заболевает, Ивана охватил такой жуткий страх, что его тело покрылось холодной испариной, и рубашка на спине взмокла. Украдкой, чтобы никто из окружающих не заметил, он наклонил голову, осенил себя крестным знаменем. Затем, просунув пальцы в разъем между пуговицами рубашки на груди, нащупал нательный серебряный крестик. «Господи, спаси и сохрани...» Пришло некоторое успокоение, сердце забило ровнее. «Завтра – пятница, поеду на уикенд на дачу. Нужно больше бывать на воздухе, работать в саду, лучше питаться. По дороге обязательно заеду в магазин, куплю головку сыра и колечко кровяной колбасы». Мысли о еде окончательно вернули Ивану спокойствие. Весело крикнув, он поправил брюки в поясе и широким шагом вошел в палату номер Шесть, где лежал Джим.

Ничего не изменилось в этой палате. Через высокое, за металлической сеткой, окно лился солнечный свет. На кровати спал гигант Джим, в той же позе – на спине, со сложенными на груди руками. Джим был столь огромен, что во всей больнице для него не нашлось одежды по размеру, поэтому пижамная курточка была застегнута лишь на три верхние пуговицы, живот выпирал наружу, а безнадежно короткие штаны едва не доставали до колен.

Иван снова обратил внимание на веки Джима – невероятно толстые и морщинистые. Наклонился к самому лицу Джима, чтобы получше разглядеть эти необычные веки. «Как же такие поднять? Может, нужно, чтобы его осмотрел окулист? Да, непременно, это и есть причина его столь продолжительного сна. Парень просто не в силах открыть свои очи».

Пошевелив быстро пальцами, словно желая разработать их перед выполнением упражнения, Иван поднес руку к лицу Джима и осторожно раскрыл его правый глаз. Из-под толстых век на него посмотрел перепуганный, злой глаз. Иван отшатнулся. «Он не спит!» – Джим, вы меня слышите? – спросил доктор Селезень. – Если «да», то пошевелите правой рукой.

На миг дрогнули пальцы правой руки Джима. И все, больше никакой реакции.

«Нет, все-таки спит, – решил Селезень. – Типичный летаргик. Будем ждать пробуждения».

– Что, доктор, проводите психологические тесты? Я вам не помешаю? – спросил вошедший в палату мужчина лет шестидесяти, в темном костюме, белой рубашке и при галстук.

Мужчина этот был довольно грузен, что несколько не сочеталось с его очень энергичными движениями. Обтекаемый животик, открытое лицо с благодушным выражением, не покидающая губ улыбка, выдавали в нем эпикурейца, любителя плотских утех. Это – мистер Вильям, замдиректора по административной части.

– Нет, не мешаете, – ответил Иван. – Я уже закончил.

– Вот и хорошо. Мне сообщили, что кровать отремонтирована и ее можно эксплуатировать. Но я решил лично убедиться в том, что она в порядке, – с этими словами мистер Вильям подошел к пустой кровати у противоположной стены.

Кровать по-прежнему была без постели. Три ее части, состоявшие из квадратных, обтянутых черной кожей подушек, были подняты под разными углами в разных плоскостях. Мистер Вильям нажал кнопки на пульте. Тихо загудел мотор, и подушки стали медленно опускаться, пока все не остановилось в горизонтальном положении.

– Работает! А я думал, что ее будут чинить до второго пришествия, – мистер Вильям отряхнул руки. Затем достал из кармана пиджака ароматизированную салфетку и начал вытирать толстую потную шею, при этом поворачивая голову, но, не сводя со стоявшего перед ним Ивана то ли наглого, то ли виноватого взгляда больших, навывкате, глаз.

– Что это с вашим носом? – тихо спросил Иван.

– С каким носом? – заместитель директора пришел в явное недоумение, но продолжал вытирать шею, правда, движения его несколько замедлились.

Иван вдруг отклонился вбок – огромная тень устремилась на него. Вернее, это была не тень, а абсолютно живой мужчина. Иван, наконец, смог разглядеть лицо этого мужчины – бледного и старого, с длинным носом и развевающимися прядями поседевших волос. Одет он был в зеленый камзол с золотистыми пуговицами. Колдун едва не сбил Ивана с ног, не уступи тот ему дорогу.

– Доктор Селезень, что с вами? – повторил свой вопрос мистер Вильям.

– О каком носе вы спрашиваете?

– О вашем, вашем! – вскрикнул Иван. – Смотрите!

И вправду – в палате номер Шесть произошло нечто такое, чего никогда не происходило до сих пор ни в этой, ни в какой другой больнице Нью-Йорка. У заместителя директора по административной части неожиданно отвалился нос! Отвалился и лежал на полу, едва заметно шевеля ноздрями, будто приносиваясь к чему-то. Нос явно был сильно взволнован, ажитирован.

– Ловите его! Хватайте же!

Но длинная, костлявая рука подбежавшего колдуна схватила лежащий нос и зажала его в кулаке.

– Что же вы стоите?! – возмутился Иван. – Неужели вам не нужен ваш собственный нос?!

Замдиректора вперил в Ивана долгий, задумчивый взгляд. Опустил руку со смятой салфеткой. Часто заморгал и сел на кровать, скрипнувшую под весом его грузного тела. Затем свел глаза к переносице. Потрогал пальцами свои мясистые щеки и, как бы невзначай, свой нос.

– Что с моим носом? А-а... вы, доктор, намекаете на запах моего пота, который я, по-вашему, не улавливаю. Да, вы правы, мне нужно всерьез заняться этой проблемой. Я понимаю – нехорошо, даже непрофессионально, когда заместитель директора, большой начальник, лицо психбольницы, человек, наделенный властью и полномочиями...

– Упустили! А-ах!.. – перебил его Иван, досадливо посмотрев на зарешеченное окно, где только что скрылся колдун с похищенным носом.

* * *

Оставив заместителя директора в полном замешательстве, доктор Селезень покинул палату Шестую и направился в Седьмую.

Там, на кровати, сидела женщина лет тридцати, одетая в больничный халат. Увидев вошедшего доктора, она вздрогнула, нервно дернулся левый уголок ее рта.

– Здравствуй, красавица. Как дела? – спросил Иван по-русски. Взял за спинку стоявший в палате стул и перенес его поближе к кровати. Подтянул штанины, сел напротив девушки.

Она пожала плечами, откинула со лба прядь черных волос:

– Нормально, – кривовато улыбнулась, отчего ее миловидное лицо на миг приняло хищное, какое-то волчье выражение.

Губы у девушки были пухлые, носик – ровный, глаза с узким разрезом – не очень выразительные. Загадка, однако, заключалась в таинственном и коварном сужении век. Девушка, прищурившись, словно оценивала человека перед собой. И в этот момент, когда так странно сужались ее глаза, вздрагивали и уголки ее губ, подобно сведенным крыльям ночной бабочки. Откуда прилетела она, эта ночная колдунья, из каких заморских стран?..

– Ты откуда родом, Мария? – спросил Иван, отметив про себя, что испытывает сладостное чувство, когда девушка устремляет на него взгляд своих таинственных глаз.

– Со Злодиевки.

– Это что же – село или хутор? И где находится? А-а, понятно, значит, мы с тобой некоторым образом земляки. Я по-украински розумию. И люблю побалакать.

Кашлянув в кулак, он напустил на лицо глубокомысленное выражение, давая понять, что сейчас речь пойдет о серьезном. Несколько дней назад эта Мария пришла в больницу, сказала, что ей плохо, и сама попросила, чтобы ее поместили в дурдом.

– Мне сообщили, что вчера ты попыталась пронести из столовой в палату нож. Это правда?

– Да. Хотела.

– Зачем? Что ты собиралась им резать? Ведь нож – пластиковый.

Вместо ответа, Маша часто заморгала и подняла голову. Из ее глаз полились слезы.

Доктор Селезень хмуро посмотрел на нее. Слезы девушки вызвали в его душе прилив нежности. Чтобы подавить в себе это совершенно непрофессиональное, лишнее, ненужное чувство, он мысленно решил для себя, что назначит ей несколько уколов. В попу.

Он не мог отвести взгляд от ее халата, верхние пуговицы которого были расстегнуты, открывая взору глубокую ложбинку между грудей.

– Да, Мария, хочу тебя предупредить вот о чем. У нас в отделении запрещены любые интимные отношения между пациентами. Амуры очень вредят лечебному процессу, создают дополнительные стрессы.

– Значит, вам уже обо всем донесли, да? Быстро это у вас, однако, – девушка снова дернула уголок рта, отчего ее невинное, заплаканное лицо вмиг преобразилось в грубое, злое. – Между прочим, тот псих сам ко мне приперся, я его не приглашала. И предложил мне сто баксов за ночь.

Действительно, этой ночью из ее палаты вывели одного пациента. Санитар, проходя мимо, услышал мужской голос в женской палате и вовремя пресек вопиющее нарушение.

– Он тебя обманул. Откуда у него сто долларов? У наших пациентов никаких денег при себе нет, им запрещено. Деньги тоже мешают лечебному процессу.

Она скривила губы, из глаз снова полились слезы.

– Ну-ну, не плачь, – промолвил Иван подобревшим тоном, вставая.

Он положил руку девушке на плечо, задержав ее там несколько дольше, чем полагалось бы врачу в такой ситуации. Молочное тепло, исходящее от ее тела, просочилось сквозь ткань халата и согрело пальцы Ивана...

Глава 6

Время близится к полуночи. Иван лежит у себя дома на широком мягком диване. Смотрит телевизор.

Но перед его мысленным взором – образ Маши. Вот она сидит, закинув ногу на ногу. Бедро у нее налитое, упругое. А лицо – заплаканное, слезы, словно жемчуг, блестят, сверкают. Панночка...

Иван взял пульт, попереключал каналы. «Сон у меня совсем нарушился. Может, принять снотворное? Да, пожалуй». Он поднялся, достал из кладовки большую пластмассовую коробку с лекарствами, нашел там снотворное.

...Лежит Иван, глаза его смыкаются, сладостный покой нисходит на его сердце. И далекий шум, будто от весеннего ручья в лесу, доносится в комнату.

Когда-то в детстве пускали с друзьями в глубоких ручьях кораблики из сосновой коры. Порой из воды там выныривала черная выдра и, блеснув шерстью, исчезала под корягой...

Шум, однако, усиливается, где-то явно льется вода.

Иван с трудом открывает глаза – тяжело просыпаться в четверть третьего ночи, особенно после принятого снотворного. Не глядя вниз,

машинально надевает тапочки, стоящие у кровати. Идет в ванную, проклиная свою забывчивость – не закрутил кран.

Но – чудо, чудо! Ванна более чем наполовину наполнена водой. А в ванне лежит Мария – белая, как молоко. Груды ее колыхаются под водой, и тело ее все в струящихся изгибах плеч, талии и бедер.

Легким движением кисти она плеснула на него водой и звонко захохотала. Жемчугом сверкнули зубы. И проник ее звонкий смех в самое сердце Ивана.

«Как же она попала сюда? Я же ее еще не выписал из больницы. Неужели сбежала? Колдун! А-а... Вот кто открыл окно в палате! Вот кто ей показал, где я живу!»

Стоит Иван, боясь шевельнуться.

А Маша тем временем, не переставая хохотать, встает. Вода стекает с ее волос на плечи, течет по ее волшебному телу.

– Ха-ха-ха!..

Она протягивает к нему руки, желая обнять. А в лесном ручье – лягушки квакают, черные выдры, вынырнув из воды, снова устремляются под коряги. И сосны шумят, и дубы. Весь лес поет – кукушки, соловьи, вороны...

Хохочет Маша. Но! – шприц в ее руке! Шприц!

– Не бойся, не бойся... – шепчет она ласково. Распрямив левую руку, внимательно рассматривает вены на ней. Колет, введя себе наполовину раствор из шприца. – А теперь ты. Это – яд любви, чистый, без примеси. Ты уколешься сам или тебе помочь? А-а, ты же врач, я совсем забыла, – она хищно улыбается, протягивая ему шприц.

Ее глаза становятся мутными, и все ее тело быстро темнеет. Берет руку онемевшего Ивана, прищуривается – смотрит, в какую вену его уколеть. Нашла хорошую. Искривив лицо, с выпученными глазами, занесла над ним шприц...

– А-а-а! – закричал Иван и... проснулся.

Вся подушка была мокрой от пота. И простыня тоже. В комнату сквозь окно лился тонкий лунный свет.

«Ну и чертовщина приснилась! Настоящий кошмар. Значит, не зря пишут, что некоторые снотворные имеют сильный побочный эффект и лучше их не принимать».

Вытерев ладонью взопревший лоб, он перевел дыхание. Медленно повернул голову и... Не может быть! Рядом с ним – женщина, лежит на боку.

«Как же она попала в мой дом?» Иван больно щиплет себя за ноги, чтобы убедиться, что это уже не сон. Да – это явь! Голая женщина в его постели! Но ведь он же ни с какими женщинами не встречается уже

давно. Как же она очутилась здесь? Откуда у нее ключи? Может, это одна из тех проституток, которых он когда-то водил к себе домой, та, которая однажды обворовала его? Да, это она! Решила вернуться. Сюрпризом.

Иван наклонился поближе к девушке, к самому ее лицу. Так близко, что слышал ее дыхание. И уловил аромат ее тела.

Но не видно лица девушки, не различить его в темноте.

И затрепетало сладкой дрожью все естество Ивана. Никогда в жизни он так не любил ни одну женщину, как эту! За одно прикосновение к ней был готов сейчас отдать свой дом, дачу в горах, жизнь!..

И обняла его девушка. Но почему-то руки ее оказались не ласковыми и нежными, как этого ожидал Иван, а напротив, – невероятно сильными. – Ах! Ведьма! – воскликнул он.

Одним рывком она неожиданно перевернула его на живот и вдавила лицом в матрас. Потом взобралась на него сверху:

– Ты в этой позе никогда не пробовал? – спросила, наклонившись к его уху.

...И вылетел Иван в раскрытое окно. А прекрасная амазонка – на нем верхом.

...Они парили над ночным Нью-Йорком, над его небоскребами, кружились над Эмпайр-стейт билдинг и вокруг небоскреба Крайслер, в четырех углах которого под шпилем – гигантские статуи орлов, говорят, в голове одного из них спрятаны слитки золота!

Ветер обвевал Ивана теплыми струями. Внизу, по тоненьким лентам дорог, проезжали редкие машины. Миллионами ярких неоновых ламп пылали рекламные щиты на Таймс-сквер. Стены небоскребов из стекла и железа, нагретые за день, медленно остывали, отдавая воздуху свое тепло.

В некоторых окнах Иван успевал заметить отражение своего летящего тела, оседланного ведьмой. Где-то вдали, кажется, в Гарлеме или Бронксе, пылал дом, его тушили пожарные. А в Бруклине полицейские машины, сверкая мигалками, преследовали какой-то белый лимузин, окружая его со всех сторон.

– Эй, вы, в лимузине! Уходите по Пятой авеню. Вас берут в кольцо! – кричала ведьма – сверху ей было хорошо видно, что белому лимузину остается лишь одна улица, чтобы вырваться из окружения.

Иван крепко сжал в кулаке нательный серебряный крестик: «Господи, Господи... Спаси и сохрани...» И почувствовал, что руки ведьмы, сжимающие его горло, стали ослабевать...

Он упал на какую-то скалу. Внизу ревел океан. Иван еще не верил, что спасся. Лежал, продолжая крепко сжимать крестик в кулаке. Его зубы

стучали. «Убить ее! Убить!» Свободной рукой Иван нащупал какой-то камень. Поднял его, чтобы обрушить смертельный удар, размозжить ведьме голову, и... проснулся!

Вскочив с кровати, Иван ринулся в кладовку. Вытащил оттуда коробку с лекарствами. Не одеваясь, в одних трусах и даже без тапочек, выбежал из дома и выбросил коробку в мусорный бак. Плотно накрыл бак крышкой. Оттряхнул ладони и вернулся в дом. «Вот и ночь скоротал. А переживал, что не могу заснуть».

Глава 7

– Нет, Иван Борисович, позвольте с вами не согласиться. При всем уважении, я бы даже сказала, преклонении перед Достоевским, я всегда с досадой читаю в «Преступлении и наказании» страницы, посвященные Сонечке Мармеладовой. Как же так? Ведь Достоевский был близко знаком с проститутками: известно, что, будучи холостяком, он посещал дома терпимости, что, впрочем, в те времена было обычным явлением для молодых людей. Но почему же, объясните мне, пожалуйста, он столь неправдоподобно в своем романе вывел проститутку Соню Мармеладову? И Катюша Маслова в «Воскресенье» Толстого – тоже героиня, высосанная из пальца. Вообще, в нашей великой русской литературе тема проституции освещена убого – и с художественной, и с психиатрической стороны, – рассуждала доктор Фролова, сидя в своем кабинете, который, как обычно во время ланча, превратился в литературный салон.

У Виктории Львовны были новые очки в золотистой оправе. Новые линзы поблескивали, когда она изредка и как бы вскользь бросала внимательные взгляды на сидевшего напротив нее Ивана.

Иван был неухожен и помят, будто с похмелья. Волосы, которые он с недавнего времени отпускал, но всегда аккуратно зачесывал набок, на сей раз были взлохмачены, спадали ему на глаза.

– Но ведь этот вопрос – проституция и психиатрия – требует иного, единственно верного взгляда, – продолжала доктор Фролова. – Наши великие писатели разводили вокруг этой темы антимионии, искали какие-то религиозные и нравственные ценности, вместо того, чтобы заявить в полный голос: ВСЕ, без исключения, проститутки – психически больны! Посмотрите на наших пациенток, кто занимается этим отвратительным ремеслом. Среди них же нет ни одной нормальной. Помните красавицу Елену, которая раздевалась повсюду в отделении? Она – патологическая эксгибиционистка. А Изабелла? – психопатка и наркоманка. А Вероника? – шизофреничка. Да зачем

далеко ходить за примерами? Эта ваша Маша или, как вы ее называете, пани Мария – имеет целый букет психиатрических нарушений.

Иван ерзал на стуле, по всему было видно, что чувствовал он себя крайне дискомфортно. То нервно приглаживал свои нечесанные пряди, то в который раз проверял, строго ли по центру галстук.

– Почему вы думаете, что Мария проститутка? – тихо спросил он. – У нас нет тому никаких доказательств. Она мне недавно рассказала свою историю, очень печальную, кстати. И у меня нет никаких оснований ей не верить. Мы в своей работе совершенно перестали доверять пациентам, заведомо считаем, что они врут.

– Та-та-та, – перебила его Виктория Львовна, и в ее голосе зазвучали строгие нотки. – Рассказывать истории эти девицы – большие мастерицы.

– Хорошо, тогда зачем она здесь? Почему она сама пришла к нам?

– Скорее всего, совершила какое-то преступление, ждет суда, вот и решила сыграть в сумасшедшую, в расчете смягчить приговор. Большая-большая, а соображает. Это очень коварная пациентка, и я опасаясь, Иван Борисович, как бы она, грешным делом, не утянула вас за собой.

После долгого молчания Иван, наконец, сокрушенно вздохнул:

– Да, доктор, вы правы. Я немного разболтался. Душа тоскует по колдуну... Но, разумеется, я должен взять себя в руки и выбросить из головы ненужные фантазии.

– Прекрасно! Молодец! – едва ли не вскрикнула доктор Фролова. Казалось, что она готова броситься к Ивану и расцеловать его. – Рада, что вы опомнились. А то я уже начала за вас серьезно переживать. После вашего возвращения из Рима что-то в вас изменилось, нарушилось. Это замечаю не я одна, но и другие сотрудники в отделении. Даже мистер Вильям, наш заместитель директора, недавно сообщил мне о вашей странной выходке, когда он в Шестой палате проверял исправность кровати. По его словам, вы якобы уверяли, что у мистера Вильяма пропал нос. Это правда? Не надо, не отвечайте! – она подняла руку с раскрытой ладонью, словно желая закрыть рот Ивану. – Да, мы все устаем, переутомляемся. Нам, психиатрам, непросто оставаться нормальными, стоять на земле, когда все вокруг летает в небесах. Признаюсь, я даже начала подозревать, что вы замышляете вернуться к литературным занятиям. Упаси вас Боже от этого, дорогой Иван Борисович! Мы же с вами умные люди, понимаем, что литература – это всего лишь выдумка фантазеров, опасная для них же самих. А психиатрия – это реальность. И мне было бы очень жалко, Иван Борисович, если бы вдруг... Но, слава Богу, что вы решили остаться с

нами – психиатрами, а не с ними, – Виктория Львовна указала на дверь, которая неожиданно открылась.

В проеме показалась голова медсестры Сандры:

– Вы знаете новость? Наша секретарша родила дочку. Мы собираем деньги ей на цветы.

– Да-да, конечно, – Виктория Львовна, недовольная тем, что ее прервали, полезла в сумочку за портмоне.

* * *

Перед тем, как приступить к работе, доктор Селезень посетил туалет для медперсонала, где привел себя в порядок: расстегнув воротник рубашки и сняв галстук, протер смоченной ладонью шею, сполоснул лицо холодной водой. Затем перед зеркалом расчесал волосы и пригладил брови. Орел. Вернее, настоящий Селезень – с умным, твердым, пронизательным взглядом.

Слова доктора Фроловой, на удивление, его приободрили. Стало быть, ему не кажется, что с ним происходят какие-то странности. Коллеги это тоже замечают. В больнице все считают, что доктор Селезень, если еще не сошел, то определенно сходит с ума. Сплетни о нем распространяет, конечно же, медсестра Сандра – эта сорока, таит на него обиду с того дня, когда придя к нему домой, вместо ожидаемого секса выслушала назидательную лекцию о том, что замужняя женщина не должна изменять мужу ни при каких обстоятельствах...

«Доктор Фролова тоже участвует в этом театре. Исподтишка, как она умеет. Невзначай обмолвится то с одним, то с другим: дескать, у Селезня появились симптомы болезни. Она – ведущий психиатр, к ее слову прислушиваются. Умная женщина. Но умирает от скуки. Вот и разыгрывает этот спектакль. Только она – не актриса. Она – режиссер!» От этой догадки Иван поморщился. «Она хочет запереть меня в Шестой палате, по всем законам литературного жанра! Думает, что я не догадываюсь о ее намерении? Поэтому специально держит эту кровать свободной. Все в отделении ждут, когда Фролова даст команду и меня... Ну, нет, не дождетесь! Я совершенно здоров – ведь понимаю же, что у меня небольшой бред. Нужно взять себя в руки. Никакого алкоголя. Никаких таблеток. Никаких женщин! И вы все у меня останетесь с носом!»

Обрадованный, как мальчишка, Иван приложил к носу ладонь с широко растопыренными пальцами и пошевелил ими.

– Ба-ба-ба!.. – из зеркала его передразнивал...

Иван зажмурился. Затем осторожно приоткрыл правый глаз, потом левый. Почудилось. Показалось.

* * *

Приведя себя в порядок, Иван пошел по палатам. В коридоре ему встретился заместитель директора мистер Вильям:

– Как дела, доктор Сэлинджер?

– Моя фамилия Селезень, – поправил его Иван.

– Ах, да! Извините, ошибся, – замдиректора приторно улыбнулся.

Сначала Иван заглянул в Шестую палату, где все так же спал чернокожий гигант Джим. Храпел на всю палату. Иван вдруг с ужасом подумал, что соседу Джима по палате будет тяжело выносить этот богатырский храп...

* * *

– Я говорю правду... – Маша подняла голову и устремила взгляд в зарешеченное окно.

Солнечный луч коснулся ее лица, отчего оно стало невероятно светлым и чистым. Танцующие переливчатые пылинки над головой девушки создавали подобие золотого нимба.

Они сидели в ее палате, друг напротив друга: Иван – на стуле, она – на кровати, закинув ногу на ногу. Покачивала ступней в красном тапочке. Иван скользнул взглядом по ее сложенным на коленях рукам, по ее ключицам в проеме полурасстегнутого халата.

– Давай, Мария, поговорим начистоту. Я не могу понять, когда ты говоришь правду, а когда, извини, врешь. Вначале, попав в наше отделение, ты уверяла меня, что занимаешься проституцией и страдаешь от хронической депрессии, чему я, честно признаюсь, поверил. Но спустя некоторое время ты вдруг изменила «биографию» и сказала, что ты – украинская пловчиха, приехала в Нью-Йорк на международные соревнования, заняла четвертое место и, дескать, на этой почве у тебя произошел нервный срыв. А теперь уверяешь, что ты – жена писателя, якобы не выдержала нищеты и невзгод и из-за этого едва не лишилась рассудка. Где же правда, черт возьми? Чему верить?! – Иван повысил голос.

Маша зажмурилась. Слезы полились из ее глаз. Но в этот раз Иван не дал воли своей жалости.

– Скажи, зачем ты здесь? Тебе нужна справка для суда, что ты психически больна? Если «да», то ты такую справку получишь и так.

Все наши пациенты мечтают отсюда вырваться. А ты как будто специально делаешь все, чтобы здесь оставаться. Зачем ты продолжаешь таскать из столовой пластмассовые ножи, отлично зная, что ими все равно нельзя вскрыть себе вены? Зачем постоянно споришь с медсестрами, нарушаешь режим? Зачем прячешь под языком таблетки и потом их выплевываешь? С таким поведением тебя отсюда никогда не выпишут! Признайся, какую цель ты преследуешь?

Вместо ответа Маша спрятала лицо в ладонях. Ее плечи стали мелко вздрагивать.

– Можно я выпью воды? – спросила тихо, но голос ее звучал подозрительно спокойно.

– Да, конечно. Выпей воды и успокойся.

Она поднялась с кровати и, запахнув халат, по-свойски подмигнула ему. Направилась к столику, на котором стоял пластмассовый кувшин с водой и пластиковый стаканчик.

За спиной Ивана раздалось журчание льющейся воды. Но почему-то и через минуту Маша не вернулась на прежнее место. Шлепанье ее тапочек по полу удалились, и неожиданно хлопнула закрывшаяся дверь, – а пациентам без разрешения медперсонала закрывать двери своих палат строго запрещается, они все на этот счет предупреждены. Доктор Селезень, однако, сидел, не двигаясь. Слышал за спиной приближающиеся Машины шаги. Затем – шуршание сброшенного с ее плеч халата...

Сердце его часто забило. Он не решался обернуться, боялся увидеть молочную белизну ее кожи.

– А хорошо мы с тобой полетали, доктор? – услышал он вдруг ее шепот, над самым своим ухом. – Я знаю, что тебе понравилось.

Иван съежился.

– Сегодня ночью, доктор, я приду к тебе опять. Но только в этот раз мы поменяем позу: я буду снизу, а ты сверху, о`кей?

Иван согласно закивал головой. Вдруг вскочил со стула, рывком расстегнул и вытащил из петель кожаный ремень, специально купленный накануне. Сжимая кованую пряжку, поднял ремень:

– Ну, сейчас я тебе задам! – развернулся и...

Перед ним – колдун!

Колдун бросился от Ивана в угол палаты. Крыльями огромной черной птицы развевалась его мантия. Мантия была из шелка, расписанная загадочными иероглифами.

Иван бегал за ним вокруг стола, пытаясь схватить его, но колдун уворачивался, а затем кинулся к зарешеченному окну, просочился сквозь решетку и стекла и исчез.

Подбежав к окну, Иван дернул решетку на себя, но она была намертво прикреплена к оконной раме (не один пациент и до Ивана безуспешно пытался ее вырвать). Потрясая ремнем, Иван выбежал из палаты и помчался к лифту.

Нажал кнопку вызова. Однако кабина поднималась очень медленно, на электронной панельке сверху засветилась цифра «2» – второй этаж, а их отделение – на шестом! «Почему так долго? Что там случилось? Убежит ведь, убежит!»

Иван переминался с ноги на ногу, нетерпеливо ударял в стену кулаком, связывал в узлы ремень. Кабина лифта по-прежнему стояла на втором этаже.

Санитар, неподалеку охранявший одну из палат, во все глаза таращился на разъяренного, с ремнем в руке доктора Селезня.

«Побегу по лестнице пожарного выхода!»

Неожиданно из той самой двери, к которой несся Иван, выбежал колдун! Под черной мантией Иван успел разглядеть зеленый камзол с золотистыми пуговицами и черную бабочку на тощей шее. Заметил и его лукавую, но одновременно исполненную величайшего страдания и горечи улыбку... В руке колдун сжимал нос мистера Вильяма! Нос шевелился, раздувал ноздри и вел себя так, будто собирался чихнуть. Колдун высоко подпрыгнул над полом и устремился в палату номер Шесть.

* * *

– Дорогой Иван Борисович, все-таки дождалась я вас! Хорошо, что вы работаете в такой чудесной больнице, где будут созданы все условия для вашего полноценного лечения. И кровать вам досталась комфортная, люксовая, такой не найдете даже в «Шератоне», – доктор Фролова сняла очки и мило улыбнулась.

Возле нее стояли медсестра Сандра, с заряженным шприцем, и два рослых санитара.

– Теперь вам не нужно ни о чем переживать, я обо всем позабочусь сама, поскольку вы будете находиться под моим наблюдением. Окружу вас поистине материнской заботой.

Фролова выразительно подмигнула, тем самым дав команду медсестре и санитарам. И те двинулись к Ивану.

Он попытался, но чьи-то крепкие руки с обеих сторон схватили его сзади под мышками. Это были двое полицейских, заранее вызванные из больничной охраны.

– Вы, любезный Иван Борисович, не заметите больших изменений в своей жизни. Мы с вами по-прежнему будем вести интересные беседы. С единственной только разницей, – не в моем кабинете, а в этой палате. Нам никто не помешает, Джим все равно будет спать еще сто лет.

Иван пытался вырваться, извивался, как уж. Стонал и хрипел, но полицейские крепко сжимали его руки. Санитары, подойдя вплотную, расстегнули его брюки, стянули их вниз и, подхватив Ивана, будто бревно, понесли его на кровать, застеленную свежим бельем.

– Судя по всему, коллега, литературная дурь из вашей головы еще не вышла. Ничего – полежите, попринимаете таблеточки и станете нормальным, – продолжала доктор Фролова, глядя, как в тощую ягодицу лежащего ничком Ивана медсестра Сандра вогнала иголку и стала медленно, с наслаждением, давить на поршень.

Санитары и полицейские тем временем держали его руки и ноги. Он все еще дергался, стонал и хрипел в подушку. Потом почувствовал, как страшный огонь начал растекаться по телу, обжигая внутренности. Этот адский огонь охватил его жилы и мышцы, в глазах поплыли огненные шары. Он хотел шевельнуть рукой или ногой, хотя бы пальцем! – но его тело будто не принадлежало ему.

Ему почудилось, что его завернули в мокрую холодную простыню, перед этим сняв с него рубашку и майку. Иван затрясся в жутком ознобе. Вокруг него начала сгущаться беспросветная тьма.

– Оставьте меня... прошу вас... – промолвил он тихо и впал в беспамятство.

* * *

Ночью он проснулся. Открыв глаза, увидел чью-то темную огромную фигуру возле своей кровати. Иван вздрогнул, вцепился в край простыни, накрывавшей его.

Сомнительный лунный свет едва проникал в закрытую палату.

– Ты кто? – тихо спросил Иван.

Незнакомец молчал.

Глаза Ивана постепенно привыкли к темноте, и он уже смутно различил черты лица, показавшегося ему знакомым. Лицо это улыбнулось.

– Джим, ты?

Вместо ответа гигант Джим приложил толстый указательный палец к губам Ивана, давая понять, чтобы тот молчал.

«Проснулся! Как же он смог поднять свои веки?» – мелькнуло в голове Ивана.

Джим тем временем подошел к окну, взялся за решетку. Принял стойку, дававшую ему максимальную опору, и дернул решетку на себя. Гх-р! – с громким треском вышли из дерева толстые винты и шурупы. Затем Джим поставил вырванную решетку у стены, раскрыл окно. Повернувшись к Ивану, жестом руки подозвал его:

– Доктор, вы свободны.

Иван поднялся. Подошел к окну. Все его члены болели, будто их долго держали в тисках. С трудом он взобрался на подоконник.

«Шестой этаж. Наверняка разобьюсь. Но лучше смерть. Да, лучше смерть, чем такая жизнь... Господи, спаси и сохрани...» Он перекрестился и, закрыв глаза, прыгнул.

В ушах его зазвенело. Он весь напрягся, приготовившись к тому, что сейчас ударится о землю, грудная клетка хрустнет, сломанные ребра вонзятся в легкие и проткнут сердце...

Но вместо смертельного удара об асфальт, вдруг ощутил под собой нечто мягкое, подвижное, теплое. Будто бы нечто или некто подхватил его, предотвратив падение. Он открыл глаза. Стал ощупывать пальцами того, кто спас его и уносит куда-то по воздуху.

– Хи-хи-хи, не щекотись, – услышал он звонкий женский смех и понял, кто под ним.

– Мария! Ведьма! Жена писателя! Так вот зачем ты пришла в дурдом и так долго томилась в нем! А я, дурак, не понимал этого!

Оглянувшись, Иван увидел здание больницы, где в одном из открытых горящих окон толпились, отталкивая друг друга, доктор Фролова, медсестра Сандра, мистер Вильям и санитары. Все они что-то кричали, но ветер дул в противоположную сторону, и до Ивана не долетали их слова.

Внизу, у входа в здание больницы, стояли полицейские из больничной охраны. Тоже смотрели в небо, поднося к своим лицам рации. Наверное, запрашивали авиационную поддержку.

Иван отвернулся и устремил взгляд вдаль. Туда, где в сиянии звезд и полумесяца темнела, удаляясь, таинственная точка.

На глаза Ивана навернулись слезы. Он понял, что уже никогда не вернется ни в эту больницу, ни в психиатрию. Пропадай его работа, дом, дача в горах! И новый «Лексус», и деньги, и всё, всё на свете!.. «Незаконченный роман, рисунки на полях черновиков – мне не жить без вас! Благословенные страдания над вымыслом! Благословенная нищета! Священная свобода!..»

Иван прильнул к ведьме, мокрой и жаркой, поцеловал ее в волосы и прошептал:

– За колдуном... За колдуном...